

ГЛАВА 3

ЧИНОВНИКИ И УЧЕНЫЕ: СОСТАВ УЧЕНЫХ КОМИТЕТОВ

Успех или неуспех деятельности ученых установлений в гораздо большей степени, нежели деятельность "рядовых" министерских подразделений, определялся их кадровым составом. Следует учитывать, что ни бюрократическая модель управления как таковая, ни министерское руководство не были в состоянии определенно сформулировать методы и средства, при помощи которых ученым комитетам следовало бы разрешать задачи, стоявшие перед ними на практике. Ученым комитетам приходилось, по сути, самим выработать набор этих средств. С учетом традиционного бюрократического сопротивления новациям можно говорить о значении не столько формальных параметров, определявших принадлежность членов комитетов к научной корпорации или чиновному миру, сколько о главенствующей роли индивидуальных качеств, позволявших добиваться конкретных результатов, нередко преодолевая инерцию правительственных структур. Не случайно имена таких выдающихся деятелей XIX в., как Ф.П. Литке, Ф.Ф. Шуберт, П.П. Семенов (Тянь-Шанский) являют собой примеры сочетания как научных, так и административных способностей.

Ряд тенденций в развитии кадрового состава ученых комитетов и советов уже были отмечены в ходе рассмотрения эволюции организационного устройства ученых подразделений. В рамках настоящей главы мы попытаемся охарактеризовать, во-первых, внутреннюю структуру членства ученых комитетов и советов и, во-вторых, ответить на вопрос: в какой мере состав ученых комитетов комплектовался учеными?

Казалось бы, уже само название ученых подразделений очевидно свидетельствует о том, кто образовывал их кадровый состав. Большинство исследователей, так или иначе касавшихся этой темы, вполне определенно указывают, что ученые комитеты и советы комплектовались по преимуществу из числа ученых¹. Однако, заключения, базирующиеся на терминологических основаниях, как отмечалось выше, далеко не все-

гда и не в полной мере соответствуют действительности. Следует учитывать и тот факт, что становление "ученого сословия" как социально- профессиональной группы протекало в основном на протяжении первой половины XIX в., когда определялись и юридически закреплялись особенности "ученой" службы. К 60-м гг. XIX в. этот процесс, как убедительно показала Е.В. Соболева, был еще не в полной мере завершен". Таким образом рамки, отделяющие профессиональных ученых от чиновничества, оказываются до известной степени размытыми.

Тем не менее анализ имеющихся данных о персональном составе ученых подразделений министерств позволяет выявить интересные закономерности и в развитии самих ученых комитетов, и в отношениях государственной власти и научной элиты.

Штабы ученых комитетов как структурных подразделений министерств включали в себя несколько групп сотрудников, существенно различавшихся как своим статусом, так и ролью в их деятельности. В узком смысле - комитет составляли действительные и непременные (там, где эта категория была предусмотрена "Положениями") члены. Участие в заседаниях являлось их служебной обязанностью. Из среды действительных членов избирались, как правило, ученый секретарь комитета и редактор ведомственного издания. И действительные, и непременные члены обладали правом голоса при вынесении решения. Однако между этими двумя группами существовало большое различие: если действительные члены выступали в качестве специалистов-экспертов, и не только входили в состав коллегиального органа, но были его сотрудниками, то непременные члены являлись в первую очередь представителями интересов своих ведомств и подразделений в составе ученых комитетов и советов.

К следующей группе относились почетные и совещательные члены, участие которых в работе комитетов было спорадическим. Звание почетных членов в большинстве случаев сохраняли за собой вышедшие в отставку члены комитета и руководители министерств и министерских подразделений. Обременительных обязанностей на них не возлагалось. К примеру, "почетные члены Военно-Ученого Комитета - как определялось положением - особых обязанностей не имеют, но предоставляется им право, если пожелают, участвовать в заседаниях Общего присутствия Комитета"³. Совещательные члены приглашались в собрание при рассмотрении вопросов, где они могли быть привлечены в качестве экспертов. Права голоса в решении вопросов почетные и совещательные члены, как правило, не имели, либо оно ограничивалось.

Члены-корреспонденты составляли группу, наиболее дистанцированную от повседневной работы комитетов, и не принимали участие в его заседаниях. Наличие у ряда комитетов (но далеко не у всех) развитых корреспондентских сетей свидетельствовало о необходимости устанавливать тесные контакты, в первую очередь, с целью получения разнообразной информации в провинции. Кроме того, как и в научных корпорациях, статус члена-корреспондента использовался как средство выразить свое уважение и признание научных заслуг ученым, административным деятелям и т.п.

К последней группе сотрудников комитетов относился вспомогательный персонал: чиновники различных рангов, выполнявшие функции редакторов, делопроизводителей и т.д. Несмотря на то, что роль сотрудников комитетов в выполнении задач была велика, они не принимали участия в выработке коллегиальных решений, и формально не входили в состав "членов комитета".

Таким образом, в ходе нашего дальнейшего анализа мы ограничимся исследованием основного кадрового ядра комитетов: его действительных, непременных, совещательных и почетных членов и проследим развитие корреспондентских сетей ученых комитетов.

Ученые комитеты, несмотря на присущую им специфику, являлись частью бюрократической машины и не могли не нести на себе черт чиновного устройства. "Общее образование министерств" не определяло иерархического уровня или ранга "особенных установлений", к разряду которых относились ученые комитеты. На практике, даже если комитет структурно находился в составе департамента, а не министерства в целом, его статус, и, соответственно, положение лиц, в него входящих, было выше, чем "рядовых" министерских подразделений. Это определялось, в первую очередь, тем, что министерское руководство в лице товарищей министров и директоров департаментов либо возглавляло комитеты, либо входило в их состав в качестве непременных членов, а большинство действительных членов, как мы увидим ниже, имели высокие табельные чины.

Отмеченные выше особенности отнюдь не свидетельствуют о реальном значении науки в формировании правительственной политики в XIX в. Объяснить их возможно, опираясь на иные факторы, влиявшие на состав правительственного аппарата в дореформенное и, отчасти, пореформенное время.

Характерной чертой правящей бюрократии, особенно ее высшего слоя, в дореформенное время было фактическое отсутствие управленче-

ской специализации⁴. Более того, этот очевидный недостаток возводился в принцип, трактовался как универсализм, способность заменить знания и специальную подготовку дисциплиной и добросовестностью. Подобные подходы были особенно характерны для эпохи Николая I. Генералы не только пополняли высшие эшелоны центральной и местной бюрократии, но и вливались "по должности" в состав ученых комитетов.

Немаловажным оказывался и фактор престижа. Вхождение в состав ученого комитета позволяло в чиновной среде украсить свое реноме ореолом просвещенности и учености. Этими обстоятельствами, в частности, объясняется появление в составе членов комитетов лиц, далеких от науки. Наконец, нередки были случаи, когда членство или председательство в ученом комитете являлись sinecurой для высокопоставленного чиновника, пристроенного на нехлопотную генеральскую должность.

Таким образом, ученые комитеты представляли собой поле столкновения двух сколь объективных в условиях правительственного аппарата XIX в., столь и противоречивых тенденций: "бюрократизации" и "научной профессионализации" кадрового состава. Борьба этих тенденций во многом определяла внутреннюю эволюцию научно-прикладных подразделений, их реальные возможности.

Преобладание или замещение первой тенденции - второй, не поддается четкой периодизации. В каждом конкретном случае решающее значение оказывала зрелость всего комплекса предпосылок, коренящихся как в социально-политической сфере, так и в востребованности того или иного сектора научного знания системой государственного управления и народного хозяйства.

Каким же был и как изменялся с течением времени состав ученых комитетов? При формировании состава Ученой части Адмиралтейского департамента и Медицинского совета - ученых комитетов, созданных в первое десятилетие XIX в., - значительную роль действительно сыграли кадры Академии наук и столичной Медико-хирургической академии⁵. Но уже во втором десятилетии века, и тем более, в 30-е годы первоначальные подходы к формированию состава комитетов по преимуществу из числа ученых Академии и на основе принципов научной корпорации начинают уступать место бюрократическим схемам.

Так, Медицинский совет, переживший в 1809-1822 гг. период разделения между министерствами Народного просвещения и Полиции, был соединен в рамках МВД, но уже с новыми принципами формирования

кадрового состава. Избрание деканов, существовавшее с 1803 г., было ликвидировано, объединенное общее присутствие совета включало как действительных членов, назначавшихся министром, так и неперменных: генерал-штаб-докторов военного и морского ведомств и директора медицинского департамента⁶. Ученая часть Адмиралтейского департамента в 1827 г. была преобразована в Морской ученый комитет. Его состав сократился до 4 человек, причем члены комитета не избирались, а назначались министром и утверждались императором⁷.

Вновь образуемые ученые комитеты - а большинство из них возникают в 20-30-е гг. XIX в. - в соответствии с "Положениями" включают в свой состав все вышеперечисленные группы членов и сотрудников, значительная часть которых назначается, а не избирается.

Ранг классов членов в первую половину XIX в. был закреплен штатами ученых комитетов только военных ведомств. "Положения" о Военно-ученом комитете предусматривали назначение председателя (с 1819 г. - директора) комитета - "из генералитета", начальников отделений - "из генералов", членов - "из генералов и полковников"⁸. Аналогичным образом строился штат и Морского ученого комитета в период 1827-1847 гг.⁹ На протяжении первых двух десятилетий своего существования все четверо членов, его составлявших, находились в чинах адмиралов и генералов.

Штаты гражданских министерств, далеко не всегда определяли табельный ранг членов комитетов, поскольку в части из них на протяжении всего исследуемого периода сохранялся принцип пополнения состава выборным путем. Однако состав действительных членов комплектовался по преимуществу лицами, принадлежавшими к IV-III классам табели о рангах. Приведенная ниже таблица содержит сведения о распределении по классовым чинам членов двух ученых комитетов: Министерства государственных имуществ и Горного ученого комитета, дающих наиболее представительную в количественном отношении выборку данных¹⁰.

Распределение по классовым чинам действительных и неперменных членов ученого комитета МГИ и Горного ученого комитета за 1837-1885 гг.

Учреждение	III класс	IV класс	V класс	VI класс	VII класс	Всего	В том числе имевшие академические звания
Ученый комитет МГИ	9	8	5	5	1	28	2
Горный ученый комитет	16	7	1	—	—	25	2
Всего:	25	15	6	5	1	53	4

Как явствует из таблицы, в Ученом комитете МГИ 17 из 28, а в Горном ученом комитете 24 из 25 членов состояли в генеральских чинах, статских или военных. По данным П.А. Зайончковского и С.В. Мироненко, именно этот слой чиновничества соответствовал по своему рангу правящей бюрократической элите, занимавшей ключевые должности в органах государственного управления¹¹.

Столь очевидное преобладание в составах комитетов лиц, принадлежавших к высшим ступеням чиновной иерархии, указывает на наиболее общий, интегрированный критерий подбора кадров, в том числе и для таких специфических подразделений, какими были ученые комитеты. Служба и сопутствующее ей продвижение по иерархической лестнице в равной мере распространялось и на ученое сословие. В глазах правящего слоя ученых не воспринимался в отрыве от своего табельного чина. Просвещенная бюрократия, вызвавшая к жизни вспомогательные ученые подразделения как способ соединения науки и государственного управления, не могла, тем не менее, выйти за рамки корпоративных предубеждений и привлечь к работе в составе советов и комитетов более широкие и, следовательно, демократичные слои нарождающейся научной интеллигенции.

В соответствии с этими критериями далеко не все представители академической и вузовской науки могли сделаться в полной мере "своими" в коридорах власти. Как уже отмечалось, в первую половину XIX в. ординарный академик имел чин всего лишь шестого класса, а ординарный профессор - седьмого. Только с принятием нового Устава 1863 г. чины ученой корпорации были пересмотрены, и служебный ранг академика и ректора университета был поднят до "генеральского уровня", стал соответствовать четвертому классу (действительный статский советник)¹². Тем не менее большинство ученых, если их служба ограничивалась только педагогической или научной карьерой, не достигали столь высокого рангового уровня.

В итоге, скорее можно говорить об обратной тенденции: привлечение ученых в состав высшей администрации влекло за собой повышение их табельного ранга, становилось источником карьерного роста, достичь которого иными способами было бы невозможно. Подсчеты, приведенные П.А. Зайончковским о численности профессоров, академиков и преподавателей в составе чиновников, принадлежавших к первым четырем классам, косвенно иллюстрируют процесс инкорпорирования научной элиты во власть. Если в середине XIX в. (в 1853 г.) эта категория лиц вместе с начальниками учебных заведений составляла

лишь 8,8% в составе чинов IV класса (48 человек, из них 10 ректоры и директора учебных заведений), то четверть века спустя, в 1878 г., таковых было уже 12,9% (258 человек, из них 110 возглавляли учебные заведения). К началу XX в. процент ученых и руководителей учебных заведений в составе чиновников IV класса вырос до 16,3%¹³.

Кто же из представителей науки входил в состав ученых комитетов и советов в должности действительных членов? По преимуществу лишь та часть ученых, кто тесно связывал в своей карьере науку и практическую административную деятельность, что давало им возможность подняться по служебным ступеням до высших рангов.

Эта тенденция могла быть наиболее последовательно и органично реализована лишь в деятельности ученых комитетов таких ведомств, где научная и техническая составляющие тесно переплетались со спецификой управления отраслью государственного хозяйства.

Так, Горный ученый комитет (по "Положению" 1834 г.), включал в свой состав ряд непременных членов, в том числе, и несколько чиновников горного ведомства, назначаемых "высочайшей властью" и "действительных членов общих собраний", избиравшихся комитетом¹⁴. Последняя категория первоначально составила из числа членов Горного ученого комитета, существовавшего в 1825-1834 гг. при Горном корпусе. В последствии она пополнилась из числа наиболее известных ученых и практиков горного дела.

В составе непременных членов Горного ученого комитета были: директор и вице-директор Горного департамента, директора Горного института и Геологического комитета, представители военного и морского министерств, Императорского двора, Монетного двора, начальники Горных управлений во время нахождения в столице.

Рассмотрим персональный состав комитета в 30 - 90-е гг. XIX в. Большинство из его членов (что было типично и для других ученых комитетов за исключением случаев коренной реорганизации подразделений) занимали свои должности на протяжении длительного времени, поэтому изменение состава происходило эволюционным путем.

В течение исследуемого периода в состав Горного ученого комитета входили 3 члена Академии наук: академики Г.П. Гельмерсен, Н.И. Кок- шаров и А.П. Карпинский как директор Геологического комитета по должности. Все они вряд ли могут быть отнесены к числу сугубо кабинетных ученых. Их научная деятельность тесно переплеталась с практическими задачами Горного ведомства.

Первым академиком в составе Горного ученого комитета (с 1837 по 1885 г.) был Г.П. Гельмерсен. По окончании Дерптского университета в 1828 г. он начал службу в Министерстве финансов, а с 1833 г. начинает регулярно командироваться для геологических изысканий. Г.П. Гельмерсену принадлежит заслуга создания первой геологической карты всей Европейской России - работа, удостоенная в 1842 г. Демидовской премии Академии наук¹⁵. С избранием в 1844 г. адъюнктом Академии, а с 1850 г. — ординарным академиком, Гельмерсен продолжает активно участвовать в делах горного ведомства. Он пропагандирует необходимость создания специального геологического подразделения в составе Горного департамента. Лишь в 1882 г. его старания увенчались успехом и он был назначен первым директором учрежденного Геологического комитета.

Выпускник Горного корпуса Н.И. Кокшаров (в составе Комитета с 1857 по 1891 г.) - ведущий специалист в области минералогии во второй половине XIX в. Избранный в 1855 г. адъюнктом Академии наук, двумя годами позже становится членом ученого комитета. Главный труд, создававшийся Кокшаровым в течение жизни - "Материалы для минералогии России", - являлся главным пособием в стране, как для студентов, так и для практических горных инженеров. С 1866 г. Н.И. Кокшаров - ординарный академик, а с 1865 г. - директор Минералогического общества¹⁶.

А.П. Карпинский вошел в состав комитета в 1885 г. одновременно с назначением на должность директора Геологического комитета. Годом позже, в 1886 г., избирается академиком. Выдающемуся русскому геологу в это время было всего 40 лет. Его научной и административной деятельности в составе ученого комитета предшествовала разносторонняя практика в качестве преподавателя, полевого исследователя¹⁷.

Минералогическое общество - одно из старейших в России и, что особенно важно, тесно связанное в своих задачах и практической деятельности с интересами горного ведомства - представлял его президент - герцог Н.М. Лейхтенбергский.

Остальные члены комитета, за исключением представителей заинтересованных министерств, делегированных в состав в качестве постоянных членов, представляли лучшие силы инженерных кадров Горного ведомства. Сочетание практической и научной деятельности для большинства горных инженеров XIX в. отвечало представлениям о профессиональном предназначении. По воспоминаниям М.А. Павлова, каждый выпускник Горного института в прошлом веке считал делом

чести опубликовать хотя бы одну статью в "Горном журнале"¹⁸. Почти все они, кроме Г.П. Гельмерсена, окончившего Дерптский университет, были питомцами этой "кузницы" специалистов горного дела.

Вступлению в состав комитета для подавляющего большинства его членов предшествовала разносторонняя и многолетняя практика на инженерном, административном и научном поприще. Так, А.А. Иосса до вхождения в состав ученого комитета занимал должность начальника горного округа, а Н.А. Кулибин (внук механика-самоучки И.П. Кулибина) - заведующего лабораторией Министерства финансов.

Немалая часть будущих членов комитета стажировалась за границей, изучая лучший зарубежный опыт: Г.А. Иосса, Н.А. Кулибин, В.К. Ра- шет, К.А. Скальковский в разное время учились в иностранных учебных заведениях или посещали зарубежные предприятия горной отрасли. Последний - К.А. Скальковский - посетил Америку, Западную Европу, Индию, Китай и Японию.

Значительное число членов ученого комитета сочетали научную и преподавательскую деятельность. В разное время профессорами Института корпуса горных инженеров (Горного института) являлись Г.П. Гельмерсен, Г.А. Иосса, Н.А. Кулибин, Г.Д. Романовский и другие.

Достаточно типичной была профессиональная судьба И.А. Тимме (член Горного ученого комитета с 1873 г.), крупного специалиста в горнозаводской механике, металлургии и ряде других отраслей горного

19
дела .

Иван Августович родился в 1838 г. в семье медика, служившего "по горному ведомству" в Златоусте. По окончании Института корпуса горных инженеров в 1858 г. работал в Екатеринбургском горном округе, проявив себя талантливым механиком. В 1863 г. при расформировании Корпуса горных инженеров многим из них, в связи с сокращением штатов, предлагались зарубежные стажировки. И.А. Тимме отправляется на учебу в Германию и Англию, где занимается изучением железодельного производства и проектированием паровых машин. Уже во второй половине 60-х годов способности и богатый опыт Тимме оказались востребованными: начинается строительство казенного Лисичанского металлургического завода в Донецком бассейне. Это было первое отечественное предприятие современного по тем временам технического уровня, полностью оснащенное отечественным оборудованием. Все необходимое для оснащения нового завода проектировалось и изготавливалось под руководством И.А. Тимме. В 1870 г., в год пуска Лисичанского завода, И.А. Тимме защищает диссертацию по сопроотивлению

материалов в Горном институте и становится его ординарным профессором. В 1873 году он принимает на себя обязанности члена Горного ученого комитета, став самым молодым его членом. К моменту избрания А.И. Тимме было 35 лет.

Высокопрофессиональный кадровый состав, сочетание богатого практического и административного опыта с высоким научным потенциалом, позволили Горному ученому комитету наряду с Горным институтом стать действительным средоточием ведомственной науки, оказав "весьма важные услуги, как горной технике, так и вообще горнозаводской промышленности России"²⁰.

Однако и этому ученому подразделению не удалось избежать конфликта профессионального и бюрократического начал. В 1875 г. директором Горного департамента был назначен Ф.И. Раселли, не являвшийся специалистом в области горного дела ни по образованию, ни по практическому опыту. Поскольку по "Положению" 1863 г. должность директора совмещалась с должностью председателя комитета, вопрос был вынесен на рассмотрение высших инстанций. Надо отдать должное министерскому руководству, по представлению которого высочайшим указом председателем ученого комитета был назначен А.А. Иосса, опытный горный инженер. С этого времени комитет возглавлялся только учеными и специалистами горного дела²¹.

Формальные статистические данные далеко не в полной мере могут отразить состав ученых комитетов и те изменения, которые в нем происходили. Тем более, что сами критерии отнесения тех или иных членов к числу "ученых", "представителей бюрократии", как это видно из анализа состава Горного ученого комитета, оказываются достаточно размытыми. Рассмотрим состав второго ученого комитета, давшего материал для количественного анализа в рамках приведенной выше таблицы: Ученого комитета МГИ.

Относительно небольшое число членов ученого комитета - менее половины - можно отнести к представителям профессиональной науки, составившим себе научное имя до вступления в состав комитета. У истоков Ученого комитета МГИ стоял академик П.И. Кеппен, возглавлявший III департамент, при котором было сформировано это ученое подразделение. Сам П.И. Кеппен был членом комитета в 1841-1864 гг. В конце 1850-х гг. в составе комитета работал и второй представитель академической элиты - Н.И. Железное (адъюнкт Академии наук с 1853 г.). Во второй половине XIX столетия представительство профес-

сиональных ученых в составе действительных членов комитета расширяется. Это - И.И. Селезнев, В.И. Ковалевский, П.А. Костычев и другие.

Вкладом николаевского времени в состав комитета было участие в нем трех представителей военной бюрократии, причем генерал- адъютант И.Ф. Деллинсгаузен даже возглавлял комитет в 1837-1839 гг.²² Пришедший ему на смену Е.Ф. фон Брадке (председатель комитета в 1839-1844 гг.) представляя собой яркий пример "управленческого универсализма". Окончив Петербургскую школу колонновожатых, до того, как возглавить Ученый комитет III департамента МГИ, он служил в Управлении военными поселениями, был попечителем Киевского учебного округа и т.п.²³

Весомым было представительство в составе комитета чиновников, сделавших карьеру в министерстве. Наука не была чужда им хотя бы в силу основательного образования и, нередко, специальной подготовки: все члены Ученого комитета МГИ имели за плечами либо университетское, либо другое высшее образование. Многие имели печатные труды, статьи в ведомственных изданиях Министерства госимущества. Тем не менее их путь к участию в работах ученого комитета шел через ответственные министерские посты, а не через профессиональную научную или педагогическую деятельность. К числу таких "чиновников-ученых" можно отнести Н.Я. Данилевского, А.С. Ермолова, Е.А. Петерсона и других.

В составе ученого комитета может быть условно выделена и еще одна группа членов. Наиболее яркими ее представителями окажутся в первой половине столетия А.П. Заблоцкий-Десятовский и В.Ф. Одоевский, а во второй половине XIX в. - Ф.А. Баталин, на протяжении долгого времени совмещавший должность редактора министерского журнала с членством в ученом комитете. Их с полным основанием можно назвать популяризаторами сельскохозяйственных знаний, создателями книг для крестьянского чтения. Эта задача, которая являлась одним из самостоятельных направлений деятельности комитета с начала 40-х годов XIX в., и группировала своих приверженцев и исполнителей в составе его членов.

Выделенные группировки в составе членов комитета в 30-80 гг. носят условный характер и призваны лишь проиллюстрировать разнородность его состава. В отличие от Горного ученого комитета, Ученый комитет МГИ был предназначен для решения весьма широкого круга задач. Именно поэтому он формировался вплоть до начала 1890-х гг. не только представителями ученого мира в узком значении этого слова, но

и чиновничеством. Состав комитета отражал и степень зрелости, в первую очередь, - социальной - всего комплекса наук, обеспечивающего сельскохозяйственное производство, востребованность научных знаний и рекомендаций в государственном и народном хозяйстве.

Именно тревожные тенденции пореформенного развития аграрного сектора России, особенно аграрный кризис 80-х - начала 90-х гг. XIX в. вызвали в начале 90-х гг. коренную реорганизацию структуры этого ученого комитета. Новое "Положение" 1894 г. об Ученом комитете Министерства земледелия и государственных имуществ принципиально изменило подходы к комплектации состава действительных членов. С этого времени каждый член ученого комитета не только являлся специалистом в конкретной отрасли сельскохозяйственного знания, но и руководил одним из специализированных бюро комитета²⁴. Существенными были и изменения в статусе непрременных членов: все они присутствовали в комитете только "по предметам их ведомства", что существенно повышало роль профессионального ядра его действительных членов²⁵.

Несмотря на кажущуюся очевидность, объективность тенденции к усилению роли специалистов в кадровом составе ученых комитетов, сила отторжения "чужеродных" для бюрократического аппарата элементов, каковыми нередко оказывались представители научной и инженерно-технической интеллигенции, была значительной.

Медицинский совет, как отмечалось выше, переживал на протяжении первых четырех десятилетий своего существования несколько кардинальных реорганизаций, и вплоть до 1842 г. главной линией реформирования этого подразделения была бюрократизация его структуры и состава.

Подготовленный в 1823 г. в Медицинском департаменте МВД проект реорганизации Медсовета предлагал заменить выборный состав совета двенадцатью медицинскими чиновниками, каждый из которых получит "особенную обязанность по каким либо из частей врачебную науку составляющих", а президент будет назначен "из гражданских чиновников третьего класса"²⁶. Доработку проекта должен был осуществить особый комитет "О лучшем устройстве гражданской медицинской части ...", действовавший при министерстве А.А. Закревского. В последующие годы "творческая мысль" руководителей департамента сосредоточенно трудилась над уменьшением расходов на Медицинский совет, и, соответственно, над сокращением его численности. Так, к 1836 г. - когда было утверждено новое Положение о Медицинском совете, - число

членов сократилось с 12-(проект 1823 г.) до 9 (проект 1828 г.), а затем в итоге до трех²⁷.

Жалование членам Совета было сокращено с 3 тыс. до 2 тыс., а общая смета с 42,7 тыс. до 15,2 тыс. руб. серебром²⁸. Особенно симптоматично выглядит данная эволюция на фоне страшной эпидемии холеры, разразившейся в России в 1830-1831 гг. Именно Медицинский совет являлся тем государственным органом, который был призван вырабатывать меры борьбы с эпидемиями. Беспомощность правительства и масштабные последствия этого бедствия хорошо известны и неоднократно описаны в литературе.

Тем не менее объективная потребность в государственной координации и руководстве врачебной наукой заставили руководство МВД пересмотреть принципы комплектования Медицинского совета и придать ему на деле характер научного коллегиального органа. В рамках принятого по инициативе Л.А. Перовского нового "Положения о Медицинском совете" (1842 г.), наряду с непременными членами (управляющими медицинскими ведомствами гражданской, военной и морской частей), состав Совета комплектуется из числа врачей - "чиновников медицинских и фармацевтических, известных по их знаниям, опытности и общему уважению, в ученом свете ими приобретенному"²⁹. Отдельным параграфом Положения определялось, что председатель Совета мог быть назначен только из числа врачей³⁰. Выработанная структура Медицинского совета сохранялась вплоть до начала XX в. (до 1904 г.).

Предпринятые меры действительно позволили привлечь к работе в составе "высшего врачебно-ученого места" высококлассных специалистов-медиков, ученых, работавших в смежных областях знания, в первую очередь, химиков. Члены Медицинского совета: Н.И. Пирогов, С.П. Боткин, Н.Ф. Здекауэр, В.В. и Е.В. Пеликан, В.В. Пашутин, Н.В. Склифасовский и другие известные врачи; химики - Н.Н. Зинин и Д.И. Менделеев представляли лучшие силы российской науки XIX в.

Приведенные выше примеры достаточно наглядно иллюстрируют основные тенденции и противоречия, которыми определялось развитие кадрового ядра в составах ученых комитетов - действительных и непременных членов комитетов и советов.

Стремление организовать деятельность ученых подразделений в тесном контакте с более широким кругом ученых и практиков предопределило построение ряда ученых комитетов подобно академическим кор-

порациям, заимствование традиционной для научных организаций практики "дистанцированного" членства.

Члены-корреспонденты не были сотрудниками комитетов в узком значении этого понятия. Численность корреспондентов не определялась штатами, вознаграждения за труды им не полагалось, соответственно, и вклад в работы комитета не являлся строго регламентированным. В истории большинства ученых комитетов эта группа членов не сыграла существенной роли. Утверждение тех или иных лиц в звании члена-корреспондента ученого комитета носило большей частью статусный характер, как свидетельство признания заслуг в научной или практической деятельности, или, если речь шла о представителе чиновного мира, как знак уважения к его служебному положению, чинам, титулу.

С учетом изложенных выше обстоятельств особенно интересной представляется попытка создания реально действующих корреспондентских сетей во второй половине 30 - 40-х гг. XIX в. Ученым комитетом III департамента МГИ и Статистическим отделением Совета МВД.

При всех различиях, общих и частных в задачах этих подразделений, они остро нуждались в получении разнообразной информации с мест. Органы губернского административного управления не могли снабдить ученые комитеты надежной информацией, как с точки зрения качества, так и оперативности. Система отчетности, громоздкая и не обеспеченная должной подготовкой лиц, ее исполняющих, не отвечала потребностям даже текущей ведомственной статистики. Тем меньше были возможности ее использования для решения научно-прикладных задач. Таким образом, стремление ученых комитетов найти среди жителей провинции - чиновников, помещиков, немногочисленных представителей интеллигенции - соратников и помощников в выполнении своих программ, было вполне очевидным.

К.И. Арсеньев, вдохновитель и организатор созданного в декабре 1834 г. при Совете МВД Статистического отделения, возлагал большие надежды на помощь членов-корреспондентов в деле расширения статистических исследований. Уже к середине 1835 г. в звании членов-корреспондентов было утверждено 53 человека³¹. Каждому из избранных отправлялся диплом и пожелания принять деятельное участие в делах Статистического отделения. Состав корреспондентов пополнялся "из людей, отличающихся сведениями и опытностью в делах внутреннего управления", как определяло главные требования

к членам-корреспондентам "Положение" о Статистическом отделе-

32

нии .

Состав этих лиц весьма показателен по своим социальным характеристикам и территориальному распределению. Основные параметры сведены в приведенную ниже таблицу³³:

Численный состав членов-корреспондентов

Статистического отделения в 1835 г.

Чин, сословная принадлежность	Санкт-Петербург	Москва	Губернии Центра	Губернии Юго-запада	Сибирь, Урал	Польша	Грузия	Всего
II класс	6							6
III класс	5	1			2	1		9
IV класс	1	2	5	1			1	10
V класс		3		1			1	5
VI класс	2						1	3
VII класс			2					2
VIII класс			1	1				2
Священнослужители			4	1				5
Прочие		2				1		3
Всего:	14	8	12	4	2	2	3	45

Последующее увеличение численного состава членов-корреспондентов Статистического отделения лишь в малой степени изменило сложившиеся пропорции.

Как видно из таблицы, наиболее значительную часть корреспондентов составляли жители столиц: суммарно 22 человека (41,5%). Следующей по численности группой были члены-корреспонденты губерний Центра (Владимирская, Казанская, Костромская, Нижегородская и др.) и черноземной зоны (Курская, Тамбовская). Губернии Юго-запада, Урала, Сибири и национальных окраин были представлены лишь единичными корреспондентами (26,5% в общей сложности).

По формальным параметрам социальная принадлежность членов-корреспондентов выглядела следующим образом: численно превосходящей группой было чиновничество - 44 человека (83%), духовенство - 5 человек (9,4%), в составе оставшихся 4 человек, данные по которым неполны, - три представителя титулованной знати и городской голова.

Санкт-Петербург был представлен главным образом высшей бюрократической элитой: М.М. Сперанский, Е.П. Ковалевский, Л.А. Перовский и др., и немногочисленными представителями ученого мира, занимавшими в то же время высокие административные посты: М.А. Балугьянский, А.Н. Оленин, Ф.Ф. Шуберт. В составе членов-корреспондентов провинциальных центров самостоятельной группой выделяются губернаторы: Восточной Сибири - С.Б. Броневский, Оренбургской - В.А. Перовский, Тверской - А.П. Толстой и др. Духовенство в числе членов-корреспондентов было представлено предстоятелями митрополий и епархий: Киевской, Владимирской, Костромской, Нижегородской и Тамбовской.

Таким образом, в целом состав членов-корреспондентов Статистического отделения был образован представителями высшей столичной и провинциальной бюрократии. Трудно было ожидать, что эта категория корреспондентов в силу своей загруженности многими делами сможет стать реальной опорой отделения. И министерство предпринимает попытку расширить круг за счет мобилизации сил провинции. В сентябре 1836 г. товарищем министра Внутренних дел гр. А.Г. Строгановым было направлено письмо всем начальникам губерний. В этом послании губернаторам предлагалось сообщить в министерство о лицах, "кои бы по своим нравственным качествам, знанию местности и готовности содействовать трудам Статистического отделения могли быть избраны в члены-корреспонденты онаго"³⁴.

Списки были представлены, но итоговый результат был мизерным. Кандидатами в члены-корреспонденты были предложены большей частью крупные помещики, действующие и отставные чиновники. Реакция последних на предложение войти в состав корреспондентов комитета была крайне "прохладной". Так, из 29 человек, предложенных к избранию по Нижегородской губернии, согласились принять на себя обязанности членов-корреспондентов лишь 6, остальные отговорились занятостью и нездоровьем³⁵.

Провинциальное дворянство в основной своей массе отнюдь не чувствовало в себе призвания и не видело практической нужды пускаться в ученые занятия. Шаблонное для николаевского времени решение опереться на дворянство и в этом вопросе потерпело неудачу.

Статистическому отделению, тем не менее, удалось расширить корреспондентскую сеть к концу 1836 г. до 125 человек³⁶. Уровень активности большинства из них оказался невысок. К следующему, 1837 г. от членов-корреспондентов было получено 14 материалов, т.е. чуть более

10% общей численности избранных представили в МВД свои работы" . Качество и практическая ценность сообщений членов-корреспондентов также весьма различались. Наряду с описаниями городов, промышленных предприятий и т.п., Статистическое отделение получало в свой адрес данные "о собирании простонародных лекарственных способов" (присланы членом Тамбовского приказа общественного призрения), предложения об устройстве в городе Рыбинске "каменной набережной с решетками", проекты по развитию и переустройству Новороссийского края от члена-корреспондента из Одессы Гладкого. В отчете за 1842 г. К.И. Арсеньев вынужден был отметить, что "результаты работ членов корреспондентов год от года становятся несравненно беднее"³⁸.

Причины малой эффективности корреспондентской сети Статистического отделения, как и вопрос о результатах иных попыток наладить широкое взаимодействие между учеными комитетами и общественностью на местах в первой половине XIX в., был связан с широким комплексом факторов и выходят за рамки сугубо количественных и качественных характеристик состава членов-корреспондентов.

Опыт Статистического отделения МВД достаточно убедительно, на наш взгляд, демонстрирует отсутствие в провинции 30-40 гг. XIX в., особенно среди дворянства и чиновничества, сложившихся интересов, стимулов, общественных настроений, которые могли бы способствовать развитию сколь-нибудь заметной социальной активности. Только начинавший формироваться слой провинциальной интеллигенции, более демократичный по своему составу, не мог быть востребован как из-за сословных предубеждений николаевской бюрократии, так и из-за их малочисленности в составе населения российской провинции второй четверти XIX столетия.

Активное комплектование корреспондентской сети Ученого комитета Министерства государственных имуществ также осуществлялось во второй половине 30-х, в сороковых годах XIX в. С момента образования ученого комитета (1837 г.) до начала пятидесятых годов, т.е. за 15 лет, численность членов-корреспондентов выросла до 108 человек³⁹.

Избрание в члены-корреспонденты происходило либо по предложению одного или нескольких действительных членов комитета, либо по личной просьбе соискателя. Мотивами к принятию положительного решения служили, как правило, наличие у кандидата публикаций по сельскохозяйственной тематике, активная переписка с комитетом, предоставление интересующих сведений, практические успехи помещиков

в развитии конкретных отраслей хозяйства (овцеводство, картофелеводство, лесоразведение в южных районах и т.п.)⁴⁰.

Вопросы, находившиеся в сфере внимания Ученого комитета МГИ, казалось бы, должны были быть ближе к насущным проблемам помещика, нежели статистические работы МВД. Хозяева, перестраивающие аграрное производство в соответствии с рекомендациями науки, могли найти в Ученом комитете МГИ просвещенного и заинтересованного союзника. В какой степени оказалась реализованной эта потенциальная возможность сотрудничества сельскохозяйственного ведомства и прогрессивных хозяев из числа помещиков? Сколь значительным было представительство научных кадров? Как выглядели на уровне членов- корреспондентов зарубежные связи Ученого комитета МГИ?

Комплекс данных о членах-корреспондентах МГИ, как и сведения о корреспондентских сетях других ученых комитетов, не содержат, к сожалению, информации для детальной характеристики лиц, избравшихся членами-корреспондентами. Как опубликованные списки, так и сведения, отложившиеся в архивных фондах, включают данные о классных чинах для лиц, находившихся на государственной службе, либо служивших ранее, и место проживания. Для тех членов-корреспондентов, которые не входили в разряд чиновников, как правило, указывалась сословная принадлежность или род занятий (мещане, почетные граждане, помещики и т.п.).

Ряд существенных черт, характеризующих состав членов- корреспондентов, тем не менее выявить можно. Рассмотрим данные, находящиеся в нашем распоряжении.

В таблице (См. Приложение 2. "а" и "б") представлены в формализованном виде сведения о составе членов-корреспондентов Ученого комитета МГИ на конец 1853 г. без учета иностранных корреспондентов⁴¹. В графах 4-8 количественные показатели даны в виде дробных значений: в числителе - члены-корреспонденты, живущие в губернских городах, в знаменателе - в уездных и в сельской местности.

Подавляющее большинство лиц, состоявших членами-корреспондентами комитета, так же, как и члены-корреспонденты Статистического Отделения Совета МВД, были чиновниками, действующими или в отставке (см. табл. "а"). В классных чинах состояли 84 человека (77,7%). Из них наиболее крупную группу образовывали чиновники IV- V классов: 44 человека (40,7%).

Попытаемся, насколько возможно, дифференцировать эту группу, тем более что статус государственного служащего был более чем универсальным, объединяющим самых разнообразных людей.

Членов-корреспондентов, имеющих ученые степени и ученые звания, (см. табл. "б") было 24 человека (22,2%). Это достаточно высокий показатель, свидетельствующий о стремлении привлекать к сотрудничеству имеющиеся научные силы. Среди них: шестеро - ординарные академики Академии наук, 13 - профессора высших учебных заведений, трое из числа членов-корреспондентов имели степень доктора и двое - магистра. В числе ученых, тесно сотрудничавших с Ученым комитетом, известные естествоиспытатели, академики Ф.Ф. Брандт, К.М. Бэр, А.Я. Купфер, Ю.Ф. Фришке, талантливый русский химик А.А. Воскресенский, зоолог С.С. Куторга и другие.

Более половины (64%) от общего числа ученых - представители Санкт-Петербургской академии, столичного университета и Медико-хирургической академии. Провинциальные университетские центры были представлены в существенно меньшей степени, за исключением Гельсинфорса, - по одному человеку.

Как видно из таблицы (см. Табл. "а"), к категории помещиков (по роду занятий) в списках отнесены лишь три человека. Это, естественно, не означало, что данная группа была представлена столь малым числом членов-корреспондентов. В определенной степени, косвенно, о примерном количестве сельских хозяев, в том числе из числа бывших чиновников, позволяет судить разбивка состава корреспондентов по месту жительства.

Соотношение жителей столиц и губернских центров к жителям уездных и сельских населенных пунктов в целом близко к 3 : 1 (на 78 жителей столиц и губернских городов приходилось 30 членов-корреспондентов, проживавших в уездах), то есть лишь один из четырех членов-корреспондентов проживал за пределами крупных городов. Однако, если мы рассмотрим данный показатель по отдельным регионам, то в губерниях Центра и Юга России, Юго-Западных губерниях (Украина и Новороссия) и в Белоруссии данное соотношение будет близко к 1:1.

Вероятно, что определенная часть членов, проживавших в уездных центрах и сельской местности, могли принадлежать к служилому чиновничеству, и их сотрудничество с Ученым комитетом МГИ не было основано на опыте и интересах ведения собственного помещичьего хозяйства. В то же время и жители губернских центров могли иметь поме-

ствя. Тем не менее представляется вероятным, что отмеченное количество лиц, проживавших в уездах, было близко к количеству землевладельцев, что составляет около 30% общего состава членов- корреспондентов комитета. В пользу высказанного предположения говорит и тот факт, что именно перечисленные губернии являлись основными сельскохозяйственными районами империи и давали вторую по численности после Санкт-Петербурга и Москвы группировку членов- корреспондентов (44 против 49 членов-корреспондентов - жителей столиц).

Состав иностранных членов-корреспондентов комитета - в 1853 г. их численность составляла 18 человек - не нашел отражения в таблице. Данные об этой категории членов-корреспондентов трудно поддаются систематизации. В их числе английский и французский аристократы- землевладельцы, плантатор в Техасе, шесть профессоров европейских высших учебных заведений, писатели, представители чиновничества⁴². Из представителей европейской науки к числу действительно известных ученых может быть отнесен лишь В. Гукер, выдающийся английский ботаник-систематик, создатель обширной ботанической коллекции. Итак, зарубежные связи Ученого комитета МГИ на уровне членов- корреспондентов если и являлись обширными в плане географическом, то вряд ли могут быть сочтены представительными.

Таким образом, состав корреспондентской сети Ученого комитета Министерства государственных имуществ не может быть охарактеризован как оптимальный с точки зрения стоявших перед ним задач. Скорее, в нем отразились те реалии и возможности, которыми располагало российское общество во второй четверти XIX в. и которыми было готово воспользоваться правительство.

Последнее немаловажно. Оценивая совокупный состав членов-корреспондентов комитета, нельзя не заметить четкой сословной ориентации, избегавшей представителей податных групп населения. Если помещик, активно развивавший товарные отрасли хозяйства, проявлявший интерес к новинкам земледелия и животноводства, обращался с запросом в Ученый комитет, то нередко получал предложение стать его членом-корреспондентом⁴³. Иное отношение проявлялось к талантливым хозяевам из числа крестьян.

Принципиальные установки государственной политики на поддержку помещичьего землевладения вгоняли деятельность Ученого комитета в "прокрустово ложе" сословных ограничений. Наглядным примером бессилия членов комитета перед бюрократическими заслонами является

их попытка помочь тверскому государственному крестьянину Н.М. Серову.

Нил Михайлович Серов был одним из многих самородков, умевших и в условиях России середины XIX столетия демонстрировать чудеса хозяйственной предприимчивости. По оценке Московского императорского общества сельского хозяйства, наградившего Н.М.Серова золотой медалью, этот крестьянин, "не получив никакого образования, собственным умом и опытом достигает в своем хозяйстве превосходных ре-

„44
зультатов

В 1858 г. Серов купил неподалеку от г. Бежецка 169 десятин земли за 12 тыс. 800 руб. (!) "Осознав, что в данной местности земледелие без скотоводства немыслимо", он заводит десятипольный севооборот с посевом клевера и льна и стадо в 40 голов крупного рогатого скота. Помимо рекордных для Тверской губернии урожаев, Н.М. Серов получал по 6 пудов "чухонского масла" в год на одну корову. Причиной, побудившей Н.М. Серова обратиться в высокие инстанции, стала его попытка завести "племенной рассадник" местной породы коров. Для получения ссуды он предлагал под залог свое имение и брал на себя обязательства ежегодно продавать по фиксированной цене определенное количество бычков и телок⁴⁵.

Ученый комитет, получивший дело на рассмотрение после долгих мытарств крестьянской просьбы по министерским кабинетам, не нашел иных способов помочь ему, как исходатайствовать в виде исключения серебряную медаль от Министерства государственных имуществ. (В соответствии с законодательством награды предназначались только "для помещиков и лиц всех вообще неподатных сословий"⁴⁶).

Таким образом, круг контактов Ученого комитета искусственно суживался, оказываясь подчиненным узко понимаемым интересам правительственной политики, зачастую в ущерб реальному делу.

Эффективность корреспондентской сети Ученого комитета МГИ также не может быть оценена однозначно. На протяжении 40-50-х гг. XIX в. в истории комитета есть примеры чрезвычайно плодотворного сотрудничества с членами-корреспондентами. Например, избранный в 1867 г. членом-корреспондентом помещик Екатеринославской губ. П.В. Бураков активно содействовал комитету в его начинаниях: он был отмечен золотой медалью МГИ за лесоразведение в степной зоне России, регулярно публиковал статьи по овцеводству, выступил как эксперт при отборе экспонатов на Парижскую выставку и пр.⁴⁷ В то же время немалое число корреспондентов ничем не проявило своего уча-

ствия в делах комитета. Необходимо также учитывать, что главная задача, которая ставилась при создании столь обширной сети членов- корреспондентов - была задача информационная. И именно она, как свидетельствует опыт участия членов корреспондентов в конкретных программах комитета, решалась совершенно неудовлетворительно⁴⁸.

Интегрированной оценкой эффективности корреспондентской сети может служить динамика численности членов-корреспондентов.

Во второй половине 1850-х гг. темпы, с которыми расширялась корреспондентская сеть, существенно снижаются. Так, в 1859 г. численность российских членов-корреспондентов составила 112 человек, т.е. увеличилась за 50-е гг. лишь на четыре новых члена, а численность иностранных - 19 (увеличение на 1 человека)⁴⁹. Качественно новые подходы к взаимодействию с силами провинции намечаются в деятельности Ученого комитета МГИ лишь в 80-е гг. XIX в., что было вызвано заинтересованностью ведомства в сборе оперативной информации о состоянии сельскохозяйственного производства.

Нельзя не отметить значительного сходства в составах корреспондентских сетей Статистического отделения Совета МВД и Ученого комитета МГИ. И в первом, и во втором случае основная масса членов- корреспондентов представлена чиновничеством. Из них, в свою очередь, более половины принадлежали к V и выше классам по табели о рангах, иными словами, представляли основной костяк бюрократической системы. Несмотря на стремление распространить корреспондентскую сеть в провинцию, около половины всех корреспондентов являлись жителями столиц - Санкт-Петербурга и Москвы. Представители ученого мира, входившие в состав членов-корреспондентов этих подразделений, были представлены членами Академии наук и столичных высших учебных заведений, составляя менее одной пятой части от общего числа членов.

Эти черты, характеризующие корреспондентские сети рассмотренных ученых подразделений, были типичными и для остальных ученых комитетов министерств и ведомств.

В развитии корреспондентских сетей ученых комитетов можно выделить два этапа: на первом из них (30 - 50-е гг. XIX в.) численность членов-корреспондентов существенно возрастает. Причиной активного и целенаправленного расширения корреспондентской сети было стремление наладить сбор информации по интересующим вопросам главным образом в провинции. Постигшая ученые комитеты фактическая неудача и поиск иных путей совершенствования информационной деятельно-

сти предопределили возврат к традиционному, академическому статусу звания члена-корреспондента, когда последние не отягощались какими либо обязательными поручениями, а ученые комитеты получали от своих корреспондентов в добровольном порядке сведения о проводимых работах, экземпляры издаваемых научных трудов и т.д. Новый характер взаимоотношений начинает складываться с 60-х гг. XIX в. и может быть обозначен как второй этап в развитии корреспондентских сетей исследованных ученых комитетов.

Полученный Ученым комитетом МГИ опыт, пусть не вполне удачный, позволил Министерству государственных имуществ в 80-е гг. XIX в. вернуться к созданию корреспондентской сети с информационными целями, но на совершенно новой основе. В 1880 г. по инициативе деятельного члена Ученого комитета МГИ А.С. Ермолова, будущего министра земледелия, и временно управлявшего Министерством государственных имуществ В.И. Вешнякова был организован сбор сведений о состоянии и ближайших перспективах сельскохозяйственного производства при помощи добровольных корреспондентов.

При организации этих работ был учтен не только имевшийся опыт, но и использован в качестве образца пример собирания текущих статистических сведений по сельскому хозяйству в Северо-Американских Соединенных Штатах. Наиболее существенным отличием новой схемы работы с корреспондентской сетью было использование четко разработанных и сравнительно простых вопросников, включавших главные опорные сведения: о видах на урожай, ценах на сельскохозяйственные продукты, рабочие руки и т.п. Кроме того, информация предоставлялась в четко фиксированные сроки: на 1 июня, 1 августа и 1 октября. С 1894 г. сведения собирались уже не три, а шесть раз в год.

С 1892 г. для ответов корреспондентам начали высылать оплаченные почтовым сбором конверты, а в 1897 г. Министерство утвердило особый нагрудный знак за аккуратное доставление сведений в течение 10 лет⁵⁰. Имена всех корреспондентов ежегодно публиковались в регулярном издании "Год 18... в сельскохозяйственном отношении по ответам, получаемым от хозяев", а затем в "Обзорах деятельности Министерства земледелия и государственных имуществ" за каждый год.

Успех предпринятой попытки был впечатляющим: если в 1881 г. в составе добровольных корреспондентов Департамента сельского хозяйства было 1257 человек, то к началу XX столетия их число превысило 5 тыс.⁵¹

-
- 1 См.: Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. С. 174; Павлова Г.Е. Организация науки в России ... С. 106 и др.
 - 2 Соболева Е.В. Организация науки в пореформенной России. С.36-41.
 - 3 Положение о Военно-ученом комитете. СПб., 1836. С.26.
 - 4 Ершкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. М., 1981. С.66.
 - 5 Павлова Г.Е. Организация науки в России ... С. 107-110.
 - 6 ПСЗ-1. Т. XXXVIII. № 29057.
 - 7 ПСЗ-2. Т.Н. №.1325. §207.
 - 8 Положение о Военно-ученом комитете. С.26.
 - 9 ПСЗ-2. Т.П. Приложения. К № 1325.
 - 10 Таблица составлена по данным: Списки личного состава служащих Министерства государственных имуществ // Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. Т. 1. Приложение. С.VIII-X, XX-XXI.
 - 11 Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. С.139-142; Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. С.55.
 - 12 Рождественский С.В. Историческое обозрение деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902. СПб., 1902. С.420.
 - 13 Зайончковский П.А. Правительственный аппарат ... С.91.
 - 14 ПСЗ-2. Т.IX. № 6747; Т. XLII. № 4466!
 - 15 Гельмерсен Г.П. // Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Биографии. Т.3. С.743-744.
 - 16 См.: Шафрановский И.И. Н.И.Кокшаров. М.-Л., 1964.
 - 17 Романовский С.И. А.П.Карпинский. Л., 1981.
 - 18 Павлов М.А. Воспоминания металлурга. М., 1953. С. 43.
 - 19 Добронизский А.В. Жизнь и деятельность И.А.Тимме // Записки Горного института. 1909. Т.2. Вып.2. С.84-107.
 - 20 Лоранский А.М. Краткий исторический очерк административных учреждений горного ведомства в России. 1700-1900 гг. СПб., 1900. С.67.
 - 21 Там же. С.95.
 - 22 Списки личного состава Министерства государственных имуществ... С.VIII.
 - 23 Брадке фон Е.Ф. // Энциклопедический словарь. Брокгауз и Ефрон. Биографии. Т.2. С.247.
 - 24 Краткий очерк деятельности Ученого комитета Министерства земледелия и государственных имуществ за время с апреля 1894 по декабрь 1898 г. СПб., 1899. С.4.
 - 25 ПСЗ-3. Т.XIV. № 10457.
 - 26 Моисеев А.И. Ук. соч. С. 13.
 - 27 ПСЗ-2. Т.XI. № 9319.
 - 28 Моисеев А.И. Ук. Соч. С. 16.
 - 29 ПСЗ-2. Т.XVII. № 15202.

- 30 Там же. §5.
- 31 РГИА, ф. 1290, оп.3, д.201, л.6-7об.
- 32 ПСЗ-2. Т.Х1.№ 9319.
- 33 Таблица составлена по данным: РГИА, ф. 1290, оп.3, д.201, л.6-7об.
- 34 РГИА, ф. 1290, оп.3, д.203, л. 1.
- 35 ГАНО, ф.61, оп.1, д.3, л.2об-3; 4-18.
- 36 РГИА, ф. 1290, оп. 1, д. 104, л.3об. ^{3/}Там же. Л.6-6об.
- 38 Там же. Л.39.
- 39 Начальствующие лица Департамента сельского хозяйства [в 1853 г.]. СПб., 1854. С.12-17.
- 40 РГИА, ф.398, оп.6, д. 1546, л. 1-32.
- 41 Таблица составлена по данным: Начальствующие лица Департамента сельского хозяйства [в 1853 г.]. С.12-17.
- 42 Начальствующие лица Департамента сельского хозяйства. С.17.
- 43 См. например: РГИА, ф.398, оп.6, д. 1546, л. 1-32.
- 44 РГИА, ф.382, оп.1, д.70, л.5-5об.
- 45 Там же.
- 46 СЗ.Т.І. Устав об особых знаках отличия, ст. 836,112,113
- 47 РГИА, ф.382, оп. 1, д.38, л.2-2об.
- 48 Из более чем 280 человек, принимавших участие в конкурсах Ученого комитета МГИ в 1841-1853 гг., членов-корреспондентов комитета было лишь 5 человек. Подробнее см. гл. III.
- 49 Список членов-корреспондентов Ученого комитета МГИ в 1859 г. СПб., 1859.
- 50 Гинс Г.К., Шафранов П.А. Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет. С.379-380.
- 51 Там же. С.380.